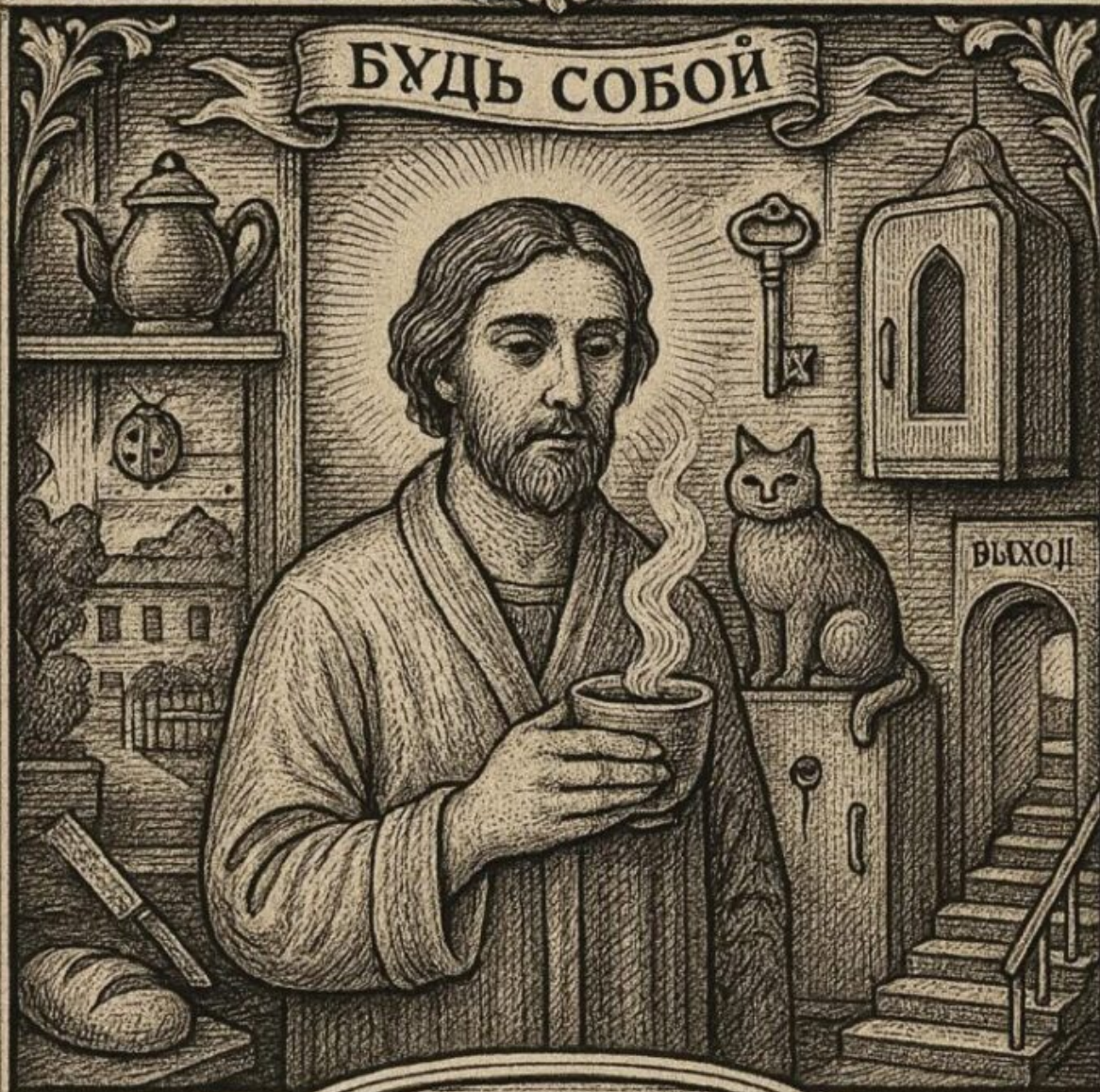

Хочу - не - как - все :   домашний трактат

ХОЧУ-НЕ-КАК-ВСЕ:
ДОМАШНИЙ ТРАКТАТ

БУДЬ СОБОЙ

ТВАРДОВСКИ

Я однажды поймал себя на том, что стою на кухне как миссионер с чайником, обращаю воду в кипятик и веру в здравый смысл. Рядом кот, который считает себя ламой, и холодильник, у которого своя литургия: если открыть дверцу ночью, он поёт гимн белого шума, обещая спасение йогуртам и грешным сосискам. Я слушаю и вдруг вспоминаю, что где-то же есть те самые «Все», вечные филологи нашей судьбы, которые правят красной ручкой наши поступки: нельзя любить громко, просыпаться счастливо без повода, носить смешные носки на серьёзные переговоры. Они как обслуживающая компания реальности: их никто не видел, но у них всегда ключи от нашего дома, и они в любой момент могут перекрыть газ чувства и воду смысла, чтобы мы не дай бог не расслабились, ведь «все так делают», «все так живут», «все знают». И вот я стою, держу чайник, а рука тянется к выключателю общего ожидания, и я слышу внутри: «А точно ли все? А если я попробую иначе?», а из чайника поднимается пар, как дым из кадила, и голос на кухне меняется. Не холодильник, а я, и не молитва, а вызов: впереди граница, за ней мой собственный нелогичный, но удивительно тёплый космос, где этикетка на майонезе не заповедь, а просто шутка со сроком годности. И я делаю шаг в эту смешную неизвестность, откуда хорошо видно: первая из страшных сект – это секта Всех, с их литургиями «как положено» и клиросом из чужих мнений, которые имеют абсолютную власть над нашими гастрономическими и душевными предпочтениями, хотя никто никогда их не видел, даже под лупой совести, и это самое забавное и самое серьёзное одновременно, потому что смешно до слёз, когда твоё утро диктует невидимый хор, и серьёзно до смеха, когда понимаешь, что пел-то всё это время ты сам, чужим голосом, но в своём горле, и да, это именно та секта, о которой предупреждали мудрые ночные хлопки дверцы холодильника, не верьте им, они на зарплате у традиции, и всё же – послушайте их хотя бы раз, чтобы понять, как звучит ваша тишина внутри общей какофонии.

Тут обычно начинается школьный урок паники: «нарушитель режима

тишины в головах». Паника – это когда сердце пытается прыгнуть выше головы и, к счастью, всегда промахивается: иначе мы бы жили шапками. Я вышел за рамку и попал в секцию «не так как все», где выдают не форму, а зеркальце с отпечатками моих же пальцев на стекле. Сначала это выглядит как кулинарный бунт: я ем на завтрак философию, на обед иронию, а на ужин оставляю немного нежности к себе, чтобы не встать от стола суровым и голодным. Я читаю книги, которые «не модно», и это как носить невидимый плащ-обнимашку: греет, но смущает соседей по маршрутке. Я интересуюсь вещами, на которые принято фыркать, и получаю от этого простую бытовую свободу, как улыбаться у кассы, когда терминал долго думает, потому что терминалы тоже сомневаются, они почти люди. И чем больше я думаю собственной головой, тем меньше там роя лютых комментаторов, и на полке между солью и перцем появляется странный ингредиент, называется спокойствие. Но эта секция коварна: легко превратить «инаковость» в новый дресс-код, гордо натягивая «я особенный» как свитер из колючего тщеславия, и ходить в нём летом, чтобы все заметили, как тебе «не как всем» жарко. Я знаю эту ловушку: это колюче «просветлён!» на самоклеящейся этикетке, и ты уже не человек, а баночка с надписью, которую удобно ставить в шкафчик со специями чужого восхищения. В этот момент важно вспомнить: свобода – не в том, чтобы быть «как все», и не в том, чтобы быть «не как все», а в том, чтобы быть собой, как божья коровка на подоконнике: она летит не потому, что так модно, а потому что у неё есть крылья, и они к ней подходят по размеру. И это смешная серьёзность – уметь остаться собой там, где раздают одинаковые маски, и уметь снять даже ту, на которой написано «уникален», потому что иначе ты опять в секте, только вывеску поменяли.

Любовь тоже в этом участвует, как кондуктор без компостера: проверяет не билеты, а честность взгляда. В отношениях бытовая свобода – это когда можно смеяться в разные стороны, а жить – в одну, и никто не считает сантиметры между тарелками и мечтами. Любить – это иногда готовить борщ из вопросов и подавать его с ложкой доверия, а иногда – молча резать хлеб,

потому что слова сегодня устали и лежат на диване как кот, который видел слишком много психологов. Мы учимся быть собой рядом с другим, и это как танцевать на кухне: шаг – моя привычка, шаг – твоя вера, поворот – наша попытка не упасть. Общество при этом выглядывает в окно и шепчет: «а у них музыка без лицензии», но нам не нужна лицензия на доброту, на глупые шутки, на серьёзные объятия. Быть собой – это не значит «быть удобным себе», это значит быть честным как утро, которое не спрашивает, готов ли ты светить. Твоя «роль в мире» – это не сценарий, а голос, и если его не слышно, добавь громкости, но не путай с криком. Я учусь этому каждый день: позволять себе быть неэффективным в любви, но эффективным в нежности, и да, иногда я всё ещё ловлю себя на мантрах «все знают», «все так делают», и я улыбаюсь – во мне живёт маленький архивист чужих мнений, он бережно хранит эти папки, а я иногда прихожу, дую на пыль и шепчу: «спасибо, что сохранил, я заберу только одну пустую папку для себя». В этой пустой папке у меня растут крылья повседневности: быть добрым без повода, надеть бредовую рубашку для похода в ЖЭК, сказать «прости» без бухгалтерии. И если вдруг кто-то спросит, к какой я секте, я отвечу честно: к секте чайников, которые закипают вовремя и молчат,

Я однажды попробовал помыть посуду не руками, а вниманием: стою у раковины, на тарелке высохшая космография соуса, и вместо губки тёплый взгляд. И знаешь, тарелка вдруг стала зеркалом, а я, тем самым прохожим, который каждый день видел себя, но не здоровается. В этот момент мне звонит внутренний диспетчер безопасности и строгим шёпотом напоминает регламент: «Посуду моют как все». И я почти соглашаюсь, уже тянусь к привычной пене, но пальцы останавливаются на краю мойки – тонкая белая линия между «как положено» и «как получается у меня». Удивительно: стоит мне выбрать второй вариант, на кухне тут же зажигается неоновая вывеска «сумасшедший», а за ней маячит офицер секты Всех с печатью «утверждено большинством»; его не видно, но он везде, даже в инструкции на стиральной машине, куда я почему-то заглядываю, когда теряюсь в собственных решениях. Я улыбаюсь и плескаю водой в сторону

невидимого офицера – брызги разносят смех по кафелю, и становится легче, потому что шаг в неизвестность всегда мокрый, зато честный: дальше только та удивительная территория, где мантра «все так делают» теряет голос, а у меня появляется свой, хоть и хрипловатый от долгого молчания.

И тут раскрывается вторая дверца, а там пахнет корицей и свободой, но на входе висит табличка «Не так как Все», и за стойкой бариста в худи из сомнений разливает альтернативу по кружкам. Первые глотки, как детство без объяснительных: пробуешь странное, читаешь немодное, интересуешься непрестижным, и вдруг замечаешь, что страх растворяется как сахар в горячем чае, не становится меньше, просто меняет форму и вкус. Я шепчу себе «ещё», а внутри кто-то тихо хлопает: оказывается, мысль, сказанная своим голосом, звучит как музыка без права тиражирования. Но там же затаена ловушка: в зеркале «особенности» легко примерить плащ с огромной нашивкой «я не как они», и вот ты уже манекен с гордой шеей, а не живой человек с тёплой шеей, которую кому-то иногда хочется обнять. Это как носить каску просветлённого в собственной спальне, точно безопасно, но целоваться как-то неудобно. Свобода же не в каске и не в флаге, а в том, чтобы дышать так, как дышится, и жить так, как живётся – без ритуала превосходства над вчерашним собой. И да, смешно, когда ловишь себя на гордом «просветлён!», и серьёзно, когда снимаешь эту вывеску и остаёшься просто человеком, который хочет горячего супа и тёплого правдивого «я рядом».

Я учусь этому с помощью смешных бытовых экспериментов: пылесос выключаю на полминуты, чтобы услышать, как тишина шуршит под диваном; джинсы сушу у окна и смотрю, как ветер примеряет мою походку; в отношениях заменяю «кто прав» на «кто слышит» и понимаю, что кухня не суд, а мое святилище с плитой вместо алтаря. Когда мы спорим, я не читаю приговор, я добавляю соль. Когда мы молчим, я не тревожусь, я слушаю, как растёт наше «мы», да, у него всегда немного скрипят петли, как у шкафа, который житейскую зиму пережил без смазки. И в этот скрип я

осторожно вкладываю своё «быть собой»: не стандартную позу будды на табуретке, а смешной, подрагивающий танец того, кто всё ещё учится жить без подпорок из чужих мантр. В эти минуты слышу свой собственный голос: не дикторский, не хоровой, а домашний. Как свитер после батареи: шерстяной, тёплый, немного колючий, зато мой. И да, я продолжаю идти не к вывеске «не такой, как...», а к тихому занятию «такой, какой есть», потому что именно там, в этой пустой нише без лозунгов, всегда лежит ключ от двери, которая ведёт на улицу, где можно смеяться и серьёзнить одновременно, не спрашивая разрешения у невидимых регистраторов нормы.

Утром я выхожу из дома и сразу попадаю в тёплый затор смыслов: подъезд пахнет краской и предрассветной философией, лифт снова завис между этажами как мысль, которую стесняешься договорить, и я иду пешком чтобы слушать, как ступеньки считают мои сомнения. На площадке сидит соседская собака, выглядящая как буддийский монах на пенсии: смотрит в меня так внимательно, что мне хочется выдать ей пропуск в святая святых, в мой день. Я протягиваю ладонь, она нюхает и одобряет: «Проходи, человек, сегодняшний ты почти совпадает с собой». И тут же, за углом, шипит шлагбаум секты Всех: «Ай-ай-ай, где сменная улыбка? Где карточка соответствия норме?» Я кладу руку на сердце, у меня безлимит, и каждый вдох подтверждает личность лучше любого чипа. Иногда кажется, будто я больше не гражданин, а контрабандист честности: провожу через границу бодрствования маленькие партии собственных привычек — пить воду, когда хочу, работать, когда получается, молчать, когда доречнее тишины ещё не придумали. На кармане висит бирка «нарушитель», но это всего лишь старая пуговица, которую пришили ещё в детстве, когда первое «а почему?» вырвалось без разрешения. Я бережно отпарываю её, в пуговицах нет греха, но и святости тоже нет; просто кругляш, который держал пиджак, чтобы я выглядел приличнее, чем чувствовал. Я ухожу во двор, где солнечные лучи, как дворники, сметают с меня чужие инструкции: «все так делают», «все так живут», «все знают», а я киваю им на прощанье и шепчу в карман: «кажется, мы снова выскользнули», и

карман соглашается тёплым ворсом. И да, порой меня всё ещё склоняет к невидимому унисону, но я улыбаюсь, когда вспоминаю: культ можно устроить из чего угодно, даже из желания не быть культовым, и всё-таки есть местечко, куда их пропуска не действует: место, где я совпадаю с собой, как паспорт совпадает с лицом, только без печати и очереди.

На работе я практикую новую гимнастику — «разминка смысловых мышц»: приседания из «надо» в «почему», растяжка от «всем известно» до «мне подходит», и лёгкий бег трусцой через коридор вероятностей. Коллеги сначала пугаются, как будто я ем на обед немодные книги, но потом замечают, что у меня перестали дрожать руки во время совещаний, потому что я держу не отчёт, а собственное «да» и «нет». Я вообще всё чаще выбираю бытовые решения как принципы веры: солю суп по вкусу, а не по норме; ставлю кружку на подоконник, чтобы чай смотрел на улицу, и мир перестал казаться закрытым учреждением; в отношениях меняю кассирскую ленту взаимных претензий на чистый чек — пусть любовь сама напечатает сумму и подпишется. В этом есть смешной риск: начать гордиться своей инаковостью, натирать её до блеска, выносить на люди как кубок «самый не такой, как они», а это просто новая клетка, только с большими окнами. Я уже жил там пару сезонов, кормил своё тщеславие крошками медитаций и отчётами о просветлённости, но окно всё равно хлопало, как дверь холодильника ночью, и я понял: свобода не любит отчётности, ей неловко от формуляров, она зеваает и уходит на кухню пить воду из-под крана, потому что жажда всегда первее бренда бутылки. Так я снова учусь дышать без лозунга, быть без знамен, любить без схем, не «как все» и не «не как все», а «как живётся у меня», и это смешит до тепла и серьёзнит до ясности, потому что в эту минуту даже табличка «выход» как будто поворачивается ко мне своим человеческим лицом и кивает: «туда тебе».

Вечером возвращаюсь и замечаю, что дом научился разговаривать честно: лампа теперь включается не щелчком, а согласием, стул принимает форму моих сомнений, а зеркалу больше не нужен

визажист из отдела «как надо выглядеть». Я режу хлеб и слышу, как у ножа свой характер, слегка ворчливый, но трудолюбивый, и мы договариваемся: сегодня без идеальных ломтей, пусть каждый будет как вышло. В отношениях то же самое: я всё меньше ищу симметрию и всё больше ритм; иногда мы смешно сбиваемся, и это лучше любого идеала, потому что живое дыхание всегда захлёбывается на поворотах. Мы учимся спорить голосом, в котором слышен кислород, и молчать молчанием не наказания, а отдыха, как в такси после долгого дня: не говорить не потому, что нечего, а потому, что не хочется портить музыку. Где-то далеко по-прежнему марширует оркестр Всех, сверкая вычищенной бронзой привычек, а за соседним углом пританцовывает секта «не так как Все», звеня браслетами «особенности» и «уникальности», и я им машу, и они мне машут, мы разошлись друзьями: я забрал у них карту, на которой отмечено самое интересное место, белая зона без мантр и флагов, где каждая точка — это ты такой, какой есть, и маршрут строится прямо под ногами. Я туда иду, иногда оглядываюсь, просто чтобы подмигнуть себе вчерашнему, и иду дальше, потому что в этой неизвестности самый правдивый голос всегда звучит шёпотом и с домашней хрипотцой, мой именно такой, и этого достаточно, чтобы нести через темноту кружку с теплом, не расплескав её в полемике о правильном чае. А если меня вдруг спрашивают, куда я так уверенно направляюсь в халате и с багетом под мышкой, я честно отвечаю: «в зону совпадения», где все пароли одинаковые, как собственное имя, произнесённое без насилия, и где свобода не позирует на подиуме, а просто садится на край кровати и говорит: «ну что, рассказывай, как прошёл день».

Я тренирую в себе нежность, как старый радиоприёмник: кручу ручку до шороха, ловлю частоту, где моё сердце не читает новости о чужой норме. Любовь к себе не петарда тщеславия, а тёплый плед, в который укрываешься, когда окна спорят с ветром. Я не хочу как все, но и салютов из «смотрите, какой особенный!» запускать не собираюсь; честно говоря, у меня нет лицензии на фейерверки, только спички для свечки из-под чайника. Я ставлю воду и слушаю, как она набирает смелость

закипеть без лозунгов, без речи мэра. В этот момент и появляется тот самый баланс: не быть колоколом на площади, но и не быть глухим к собственному звону. Если меня не слышно, я поддвигаю к себе стул, а не трибуну.

Я учусь говорить «нет» так, чтобы оно звучало как «да» моей целостности. Не драматично, без духового оркестра. Пример: меня зовут в шествие одинаковых курток, а я надеваю свою смешную, старую, в которой карманы знают мои руки по именам. И это не демонстрация, просто потому что кожа помнит тепло привычки. В магазине взгляд тянется к странной кружке с кривым рисунком, беру её и не устраиваю пресс-конференцию о самобытности. Дома наливаю чай, и чай смеётся: «Ну вот, наконец-то без крика». Быть собой легче, когда перестаю объяснять это всем и каждой лампочке, свет от этого не меняется, он просто честнее падает на стол.

В отношениях я выбираю голос без эхолота гордыни. Люблю не как статую, на которую вешают венки, а как хлеб, который режут под тишину ножа. Слышать другого – это не сдавать экзамен на святость, а настраивать струну «мы», чтобы двору было что слушать вечерами. Когда я ошибаюсь, прошу прощения без циркового надгробия «смотри, как я умею быть скромным». Просто «прости». Когда мне больно, говорю «больно», а не «ничего-ничего, я же просветлённый как лампочка в подъезде». Лампочки иногда перегорают, и это не повод собирать пресс-брифинг, достаточно выкрутить старую и вкрутить новую – вот и вся метафизика.

Иногда меня заносит в сторону «не как все» так резко, что на повороте разлетаются ценники. Тогда я беру веник нежности и подметаю: не сор из чужих вкусов, а своё желание казаться. Смешно, но помогает ритуал «невидимости»: делаю доброе тихо, как кот, который укладывает ночь на колени. Покормил себя тёплым супом, не выкладываю отчёт в хроники великого отшельника кухни. Купил цветы без повода, оставил их в вазе без подписи автора. Радость не нуждается в эмблеме. Она как дыхание: если слышишь его слишком громко, значит, бежишь не

туда.

Я принимаю свою странность в бытовых дозировках, как доктор прописал: по чайной ложке перед сном. Мироздание реагирует благосклонно: автобус подъезжает как будто вовремя, прохожие кивают как будто знакомые, а в зеркале лицо совпадает с именем без печати. Я иду по улице и для верблюдов, живущих в моём воображении, ставлю миску воды – это моя забота о тех частях себя, которые привыкли переносить чужие пустыни. Для птиц, что клюют сомнения, подвешиваю кормушку из «не обязан», и они клюют меньше. Для внутреннего режиссёра, любящего крупные планы, выключаю прожектор: не нужно меня освещать, я не спектакль, я ужин.

Иногда я ловлю себя на смешной мысли: я-то научился идти своим шагом, но почему сосед должен непременно маршировать со мной? У него колени другой модели, у него на душе иной климат: там иногда циклоны из квартплаты и антициклоны из недоспанных ночей. Я сижу на кухне, считаю крошки у хлеба как звёзды, и вдруг понимаю – не все могут «не как все». Для этого нужна простая, как соль, но редкая смесь: щепотка храбрости, чтобы выйти без шлема одобрения; ложка осознания, чтобы отличить свою дорогу от модной тропы; подходящие условия, чтобы на повороте не сдуло чужими ветрами; и главное – хочу. Без «хочу» всё остальное превращается в сухую приправу, которую забыли добавить в суп.

Я видел, как люди пытаются быть «особенными» на голодный желудок обстоятельств: работа давит, дети простужены, кредит дышит в затылок как дирижёр с простудой, а ты ещё сверху кладёшь кирпич «докажи миру свою уникальность». Можно, конечно, но тогда обувь стирается с пятки быстрее, чем приходят прозрения. Иногда доблесть – не в том, чтобы ломать общий ритм, а в том, чтобы не потерять свой пульс под общим барабаном. Я учусь различать: сегодня моя смелость пойти наперекор, а завтра не геройствовать, а согреться. Смелость – это не всегда «против», иногда это «за»: за себя тихого, за близких уставших, за сон вовремя, за стакан воды вместо

дискуссии о правильном стакане.

Осознание – отдельная акробатика. Я сажусь на край стула и спрашиваю себя голосом троллейбусного кондуктора: «Ты сейчас иначе потому, что тебе так дышится, или потому что надо показать билет непохожести?» Если второе – отпускаю поручень. Если первое – расправляю плечи: пусть кондуктор пробыёт мой маршрут невидимым компостером «живу как живётся». Иногда я иду «как все», потому что так удобнее моей усталости, и это не поражение, это экологичность. Иногда, «не как все», потому что иначе горло сужается. Секрет, кажется, в том, чтобы не превращать ни один из вариантов в религию. У религий свои прекрасные задачи, но моя бытовая вера проще: «не предавай собственную тишину, даже когда вокруг громко».

Про условия тоже честно: нужен воздух. Кто-то живёт в квартире, где любой шаг как пресс-конференция; кто-то – там, где собственная странность уважаема как комнатное растение, которое поливают по расписанию любви. Я долго строил себе угол, где не капает с потолка чужое «надо»: менял привычки, как лампочки, искал людей, рядом с которыми можно смеяться без титров. И только тогда моё «не как все» перестало звучать как протест и стало звучать как дыхание. Условия – это не всегда деньги или статус; часто это один разговор, после которого дом перестаёт быть казармой, а становится домом. Иногда это просто ключ, который ты наконец-то перестаёшь прятать под коврик общих мнений.

А «хочу» – это мой маленький ядерный реактор без побочных эффектов. Он тихо гудит в груди и излучает тепло выбора. Я хочу не как все – не потому, что «все», а потому что «хочу». Когда «хочу» встречает «могу» и «безопасно», получается дорога, на которой не нужно кричать. Когда «хочу» сталкивается с «пока нет условий» я складываю его в карман, как тёплый камешек, и ношу, чтобы не забыть. Хочу не крик, а вектор. Вектор можно держать, даже стоя в очереди, даже подписывая отчёт, даже слушая прогноз погоды, который опять обещает что-то не в нашу пользу.

И всё-таки я заканчиваю день без манифеста. Просто мою чашку – обычную, с кривым рисунком, и смотрю, как вода делает вид, что ничего героического сегодня не произошло. Она знает: героизм был внутри, когда я выбрал себя без афиши и выбрал других без судейства. Я не прошу у мира медаль за инаковость, потому что не все могут, не всем сейчас надо, и не всем пока можно. Я только тихо присаживаюсь рядом с теми, кто устал быть одинаковым, и рядом с теми, кому одинаково безопаснее. Я здесь, чтобы напомнить себе и, если попадётся, им: дорога начинается не с общего перекрёстка, а с внутреннего «хочу». Если оно шепчет – прислушайся. Если молчит – не дёргай. Если поёт – пой вместе, но своим голосом.

И когда меня спросят, чем же всё это кончилось, я улыбнусь и скажу: ничем громким. Я просто остался собой там, где было удобно стать кем-то ещё. Я признал, что не все сейчас могут не как все – и это не приговор, а честность. Я добавил в рецепт храбрость по вкусу, осознание по возможности, условия по обстоятельствам и «хочу» – обязательно. Получился суп, который пахнет домом. Я ем его ложкой тишины и понимаю: вот это и есть моя свобода – скромная, тёплая, не для парадов, но вполне достаточная, чтобы жить.

Быть собой – это как нести чашку через комнату: если смотреть на аплодисменты, прольёшь. Смотри в кружку. Чувствуй тепло в ладонях. Слушай, как чай тихо разговаривает с фарфором – аудиалам хватит шёпота, визуалам – паровой рисунок на воздухе, кинестетикам – вес кружки и гладкость ручки. В этом и свобода: не объявлять о маршруте, а просто идти туда, где не стягивает грудь. Если кто-то назовёт меня гордецом, я пододвину табурет: «Присядь, попробуй суп. Он простой». Если скажут «фрик», то улыбнусь: «Наверное, вы слышите мою тишину громче, чем я». И продолжу – без плакатов, без манифестов, с аккуратной любовью к себе, которая не требует оваций. У меня другие единицы измерения: насколько мягче стал голос, насколько терпеливее руки, насколько честнее я смотрю на мир в окно автобуса. И если на следующей остановке все выйдут, я всё равно останусь собой, доеду до конечной и пойду пешком, потому что мне

нравится слышать, как обувь разговаривает с мостовой о том, что важно идти, не громыхая важностью.